

ГЕНРИ ДЭВИД ТОРО

О ГРАЖДАНСКОМ
НЕПОВИНОВЕНИИ

Генри Торо

О гражданском неповиновении

«ФТМ»

1848, 1849, 1854

УДК 1(091)(73)
ББК 87.3(7Coe)

Торо Г. Д.

О гражданском неповиновении / Г. Д. Торо — «ФТМ», 1848,
1849, 1854

ISBN 978-5-17-144947-6

Сложно найти мыслителя, более актуального в наши дни, чем Генри Торо. Темы, которым он посвятил свое творчество, – социальная справедливость и «осознанное потребление», отрицание культа материального преуспевания и любовь к природе, внутренняя самодостаточность, интеллектуальное совершенствование и, конечно, борьба с безраздельно царившим в его времена в США расизмом, – в XXI веке стали программными для всего цивилизованного мира. В этот сборник вошли художественные, публицистические и философские произведения, демонстрирующие разные стороны интеллектуальной, духовной и социальной позиции Торо, – классическое аболиционистское эссе «О гражданском неповиновении», «главная книга» писателя «Уолден, или жизнь в лесу», и сейчас продолжающая оказывать влияние на множество людей, придерживающихся неконформистских убеждений, а также очаровательная маленькая повесть «Ктаадн», посвященная восхождению автора на одноименную гору в Новой Англии, и статья «Рабство в Массачусетсе». В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 1(091)(73)
ББК 87.3(7Coe)

ISBN 978-5-17-144947-6

© Торо Г. Д., 1848, 1849, 1854

© ФТМ, 1848, 1849, 1854

Содержание

О гражданском неповиновении	7
Рабство в Массачусетсе	20
Ктаадн	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Генри Дэвид Торо

О гражданском неповиновении

Henry David Thoreau

CIVIL DISOBEDIENCE

SLAVERY IN MASSACHUSETTS

KTAADN

WALDEN; OR, LIFE IN THE WOODS

© Перевод. З. Е. Александрова, наследники, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

О гражданском неповиновении

Я всецело согласен с утверждением: лучшее правительство то, которое правит как можно меньше¹, – и хотел бы, чтобы оно осуществлялось быстрее и более систематически. Осуществленное, оно сводится в конце концов – и за это я тоже стою – к девизу: «Лучшее правительство то, которое не правит вовсе, а когда люди будут к этому готовы, то именно такие правительства у них и будут». Правительство является в лучшем случае всего лишь средством, но большинство правительств обычно – а иногда и все они – являются средствами недействительными. Возражения, приводившиеся против постоянной армии, – а они многочисленны и вески и должны бы восторжествовать – могут быть выдвинуты также и против постоянного правительства. Постоянная армия – это всего лишь рука постоянного правительства. Само правительство, являющееся только формой, в которой народу угодно осуществлять свою волю, тоже ведь может быть обращено во зло, прежде чем народ совершит через него то, что хочет. Доказательством служит нынешняя война в Мексике, затеянная небольшой группой людей, которые использовали постоянное правительство в качестве своего орудия, ибо народ с самого начала не согласился бы на такую меру.

А что такое американское правительство, как не традиция, хотя и недавняя, пытающаяся себя увековечить, но ежеминутно теряющая что-то от своей чистоты? Оно не обладает жизненной силой даже одного человека, ибо один человек может подчинить его своей воле. Для народа это нечто вроде деревянного ружья. Но от этого оно не менее необходимо; ибо народу нужен тот или иной сложный механизм, и притом шумный, чтобы чувствовать, что у него действительно есть правительство. Правительства, таким образом, доказывают, как легко удастся для их же пользы обманывать людей и как они обманывают себя сами. Отличная вещь, мы все должны это признать; однако наше правительство еще ни разу само не способствовало никакому делу иначе, как быстро устранив с дороги. *Не оно* охраняет свободу страны. *Не оно* заселяет Запад. *Не оно* распространяет просвещение. Все это достигнуто благодаря чертам, присущим американскому народу, и достижений было бы больше, если бы правительство иной раз не мешало этому. Ибо правительство – это средство, с помощью которого люди хотели бы не мешать друг другу, и, как уже было сказано, это средство всегда наиболее действенно, когда меньше всего мешает своим подданным. Если бы торговля не была по своей природе резиновой, она никогда не смогла бы перепрыгивать все препятствия, какие воздвигают на ее пути законодатели; и если бы судить их только по результатам их действий, не учитывая их намерений, их следовало бы карать как тех злоумышленников, которые кладут посторонние предметы на рельсы.

Если говорить конкретно и как гражданин, а не как те, кто отрицает всякое правительство, я требую не немедленной отмены правительства, но его *немедленного улучшения*. Пусть каждый объявит, какое правительство он готов уважать, и это уже будет шагом к такому правительству.

Когда народ, получив в свои руки власть, передает ее большинству и долгое время позволяет ему править, это происходит не потому, что оно правит наиболее справедливо, и не потому, что это представляется всего справедливее по отношению к меньшинству, но по той простой причине, что оно физически сильнее. Но правительство, где правит большинство, не может быть основано на справедливости даже в том ограниченном смысле, в каком ее понимают люди. Неужели невозможно такое правительство, где о правде и неправде судило бы не большинство, а совесть? Где большинство решало бы лишь те вопросы, к которым при-

---

¹ *Лучшее правительство то, которое правит как можно меньше.* – Торо имеет в виду слова Эмерсона из второй серии его Очерков (1844): «Чем меньше у нас правительства, тем лучше».

ложима мерка целесообразности? Неужели гражданин должен, хотя бы на миг или в малейшей степени, передавать свою совесть в руки законодателя? К чему тогда каждому человеку совесть? Я считаю, что мы должны быть сперва людьми, а потом уж подданными правительства. Желательно воспитывать уважение не столько к закону, сколько к справедливости. Единственная обязанность, какую я имею право на себя брать, – это обязанность всегда поступать так, как мне кажется правильным. Справедливо говорят, что у корпорации нет совести; но корпорация, состоящая из совестливых людей, *имеет* совесть. Закон никогда еще не делал людей сколько-нибудь справедливее; а из уважения к нему даже порядочные люди ежедневно становятся орудиями несправедливости. Обычным и естественным следствием чрезмерного уважения к закону является войско с капитаном, капралом, рядовыми, подносчиками пороха и всеми прочими, в стройном порядке направляющееся по горам, по долам на войну наперекор своему желанию и даже здравому смыслу и совести – а это делает поход очень трудным и вызывает сердцебиение. Солдаты не сомневаются, что ввязались в скверное дело; все они настроены миролюбиво. Так кто же они? Люди или небольшие передвижные форты и пороховые склады, находящиеся в распоряжении какого-нибудь бессовестного человека, стоящего у власти? Посетите военный порт и взгляните на военного матроса: вот какого человека вырастило американское правительство, вот кого оно умеет вырастить с помощью своей черной магии – не человека, а тень, можно сказать, живого покойника, уже похороненного с воинскими почестями, –

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы его хоронили.
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили².

Именно так служит государству большинство – не столько как люди, сколько в качестве машин, своими телами. Они составляют постоянную армию, милицию, тюремщиков, служат понятыми шерифу и т. п. В большинстве случаев им совершенно не приходится при этом применять рассудок или нравственное чувство: они низведены до уровня дерева, земли и камней; быть может, удастся смастерить деревянных людей, которые будут не менее пригодны. Такие вызывают не больше уважения, чем соломенные чучела или глиняные идола. Они стоят не больше, чем лошади и собаки. Однако даже они считаются обычно за хороших граждан. Другие, как, например, большинство законодателей, политических деятелей, юристов, священников и чиновников, служат государству преимущественно мозгами; и так как они редко бывают способны видеть нравственные различия, то, *сами того не сознавая*, могут служить как дьяволу, так и богу. Очень немногие – герои, патриоты, мученики, реформаторы в высоком смысле и настоящие *люди* – служат государству также и своей совестью, а потому чаще всего оказывают ему сопротивление, и оно обычно считает их за своих врагов. Мудрый человек согласен приносить пользу именно в качестве человека и не соглашается быть глиной и затыкать дыру, чтобы не дуло³, оставляя эту роль хотя бы своему праху:

...так высок мой род,
Что не могу я быть ничьим слугой,
Приказы получать, как подчиненный,
Как подданный, и быть слепым орудьем

² Первая строфа стихотворения английского поэта Чарлза Вулфа (1791–1823) «На погребение сэра Джона Мура» (1817). Перевод И. Козлова.

³ ...затыкать дыру, чтобы не дуло. – Шекспир В. Гамлет. V, 1.

Какой-нибудь державы⁴.

Кто всецело отдает себя ближним, представляется им бесполезным и себялюбивым; а кто отдает себя им лишь частично, объявляется благодетелем человеческого рода.

Как же надлежит человеку в наше время относиться к американскому правительству? Я отвечу, что он не может связать себя с ним, не навлекая на себя позора. Я ни на миг не согласен признать *своим* правительством политическую организацию, которая является правительством раба.

Все признают право на революцию, то есть право не присягать и оказывать сопротивление правительству, когда его тирания или его неспособность становятся нестерпимы. Однако почти все говорят, что сейчас дело обстоит не так. Но так обстояло дело, по их мнению, во время революции 1775 года. Если бы мне сказали, что то было плохое правительство, потому что оно облагало пошлиной некоторые иностранные товары, доставлявшиеся в его порты, я, скорее всего, не стал бы поднимать из-за этого шума, потому что без этих товаров могу обойтись. Известное трение есть в каждой машине, и возможно, что эта машина делает достаточно полезного, чтобы свести на нет зло. Во всяком случае, большим злом будет поднимать из-за этого шум. Но когда у трения появляется своя машина, а угнетение и грабеж делаются организованными, я говорю: не надо нам такой машины. Другими словами, когда шестая часть населения страны, провозгласившей себя прибежищем свободы, является рабами, а всю страну наводняют чужеземные войска и вводят там военные законы, я считаю, что для честных людей настало время восстать и совершить революцию. Это тем более неотложный долг, что захваченная страна – не наша, а армия захватчиков – наша⁵.

Пэли⁶, для многих главный авторитет в вопросах нравственности, в своей главе о долге повиновения гражданским властям сводит гражданский долг к выгоде и далее говорит: «Пока того требуют интересы всего общества, то есть пока нельзя противиться законному правительству или сменить его, не причиняя обществу неудобств, бог велит повиноваться этому правительству, но именно до тех пор, а не далее». Исходя из этого принципа, справедливость каждого случая сопротивления решается сравнением накопившихся несправедливостей с издержками их возможного исправления. Об этом, говорит он, каждый должен судить сам. Но Пэли, как видно, не задумывался над случаями, когда принцип выгоды неприменим и когда народ, как и отдельный человек, должен добиться справедливости любой ценой. Если я несправедливо вырвал доску у тонущего человека, я должен вернуть ее, хотя бы при этом сам утонул⁷. Это, согласно Пэли, было бы неудобно. Но тот, кто в подобном случае хочет душу свою сберечь, потеряет ее⁸. Наш народ не должен иметь рабов и воевать с Мексикой, хотя бы это стоило ему существования как нации.

В своей практике нации согласны с Пэли; но неужели кто-нибудь считает, что Массачусетс в нынешнем кризисе поступает по справедливости?

На троне и в парче, а все же неряха-девка,
Шлейф подобрал, в грязи волочит душу.

---

⁴ Шекспир В. Король Иоанн. V, 2. Перевод Н. Рыковой.

⁵ ...захваченная страна – не наша, а армия захватчиков – наша. – Речь идет о мексиканской войне 1846–1848 гг., целью которой было распространение на новые территории рабовладельческой системы. Великие дни начала мексиканской войны Торо высмеял в своей книге «Уолден, или Жизнь в лесу».

⁶ Пэли Вильям (1743–1805) – английский философ и богослов. Имеется в виду его книга «Принципы моральной и политической философии» (1785).

⁷ Если я несправедливо вырвал доску у тонущего человека, я должен вернуть ее, хотя бы при этом сам утонул. – этот пример взят Торо из философского трактата Цицерона «Об обязанностях» (III), который он читал в Гарварде.

⁸ Евангелие от Луки, 9:24.

В сущности, противниками реформы в Массачусетсе являются не сто тысяч политических деятелей Юга, а здешние сто тысяч торговцев и фермеров, которым торговля и земледелие дороже человечности и которые не расположены поступить по справедливости с рабами и с Мексикой *чего бы это ни стоило*. Я бросаю обвинение не далеким противникам, а тем, кто в нашей стране сотрудничает с ними и вершит их волю и без которых противники были бы безвредны. Мы любим повторять, что народные массы не готовы, но прогресс так медлителен потому, что избранные не намного мудрее или лучше большинства. Не столь важно, чтобы многие были так же хороши, как вы, важнее, чтобы существовало где-то абсолютное добро и служило закваской для всего теста⁹. Есть тысячи людей, *по убеждениям* противники рабства и войны, которые решительно ничего не делают, чтобы положить этому конец; которые, считая себя наследниками Вашингтона и Франклина, сидят сложа руки и говорят, что не знают, что делать, и не делают ничего; которые даже откладывают вопрос о свободе до решения вопроса о свободной торговле и спокойно читают после обеда прејскуранты вместе с последними вестями из Мексики и засыпают над ними. А каковы нынешние расценки на честного человека и патриота? Они сожалеют, иногда составляют петиции; но ничего не делают всерьез и с толком. Они ждут очень сочувственно, чтобы другие устранили зло и чтоб им больше не пришлось огорчаться из-за него. Самое большее, на что они готовы для правого дела, – это ничего не стоящее голосование, вялая поддержка и пожелание удачи. На одного добродетельного человека приходится девятьсот девяносто девять покровителей добродетели; но легче иметь дело с обладателем чего-нибудь, чем с его временным хранителем.

Всякое голосование подобно игре, вроде шашек или триктрака, с некоторым моральным оттенком, игре с правдой и неправдой, с нравственными проблемами, и естественно, что делаются ставки. Репутация играющих на кон не ставится. Я, может быть, и голосую, как считаю справедливым, но не заинтересован кровно в том, чтобы справедливость победила. Я готов предоставить это решению большинства. Поэтому дело не идет дальше соображений целесообразности. Даже голосовать *за справедливость* еще не значит *действовать* за нее. Вы всего лишь тихо выражаете ваше желание, чтобы она победила. Мудрый не оставляет справедливость на волю случая и не хочет, чтобы она победила силою большинства. В действиях человеческих масс не много силы. Когда большинство проголосует наконец за отмену рабства, то потому, что оно безразлично к рабству, или потому, что останется очень мало рабства, подлежащего отмене. Тогда единственным рабом будет *оно само*. Приблизить уничтожение рабства может только тот голосующий, который утверждает этим собственную свою свободу.

Я слышу, что в Балтиморе или где-то еще для избрания кандидата в президенты соберется съезд¹⁰ преимущественно из газетных издателей и профессиональных политиков; но для независимого, разумного и порядочного человека не все ли равно, к какому решению этот съезд придет? Выше ли он нас своим разумом, порядочностью? Неужели мы не можем рассчитывать на независимые голоса? Разве мало в стране людей, которые не присутствуют на съездах? Но нет: оказывается, так называемый порядочный человек изменил свою позицию и махнул рукой на страну, когда у страны больше оснований махнуть рукой на него. Он немедленно объявляет одного из избранных таким образом кандидатов единственно *годным*, доказывая этим, что сам он *годен* демагогам для любой их цели. Голос его имеет не больше цены, чем голос любого беспринципного чужеземца или подкупленного избирателя. Где же настоящий человек, *мужчина*, такой, которому хребет рукой не согнешь, как говорит мой сосед! Наша статистика ошибается: населения у нас вовсе не так много. Сколько *мужчин* приходится на тысячу квадратных миль? Едва ли наберется один. Значит, Америка не представляет собой

⁹ ...закваской для всего теста. – Первое послание апостола Павла к коринфянам, 5:6.

¹⁰ ...соберется съезд. – Имеется в виду съезд демократической партии США, состоявшийся в 1848 г.

ничего привлекательного для поселенцев? Американец выродился в чудака¹¹ – существо, которое можно опознать по органу стадности и явному недостатку интеллекта и уверенности в себе; которое, являясь на свет, прежде всего и более всего озабочено состоянием богаделен; и, еще не достигнув совершеннолетия, копит в фонд возможной вдовы и сирот; словом, отваживается жить только благодаря страховой компании, обещавшей ему приличные похороны.

Человек не обязан непременно посвятить себя искоренению даже самого большого зла; он имеет право и на другие заботы; но долг велит ему хотя бы сторониться зла; и если не думать о нем, то не оказывать поддержки. Если я предаюсь иным занятиям и размышлениям, мне надо хотя бы убедиться прежде, не предаюсь ли я им, сидя на чьей-то спине. Я должен сперва слезть с нее, чтобы и тот, другой, мог предаться созерцанию. Смотрите, какова непоследовательность. Я слышал, как иные из моих земляков говорят: «Пускай попробуют послать меня подавлять восстание рабов или в Мексику – так я и пойду!» – и, однако, каждый из этих людей прямо, своей поддержкой правительства, или по крайней мере косвенно, своими деньгами, обеспечивает вместо себя заместителя. Хвалят солдата за отказ участвовать в несправедливой войне, а сами не отказываются поддерживать несправедливое правительство, которое эту войну ведет; хвалят того, кто бросает вызов их поведению и авторитету, как если бы штат настолько каялся в грехах, что нанял кого-то бичевать себя, но не настолько, чтобы хоть на миг перестать грешить. Вот так, под видом Порядка и гражданского повиновения, всем нам приходится оказывать уважение и поддержку собственной подлости. Сперва грешник краснеет, потом становится равнодушен к своему греху, а безнравственность становится как бы безотносительной к нравственности и не бесполезной для той жизни, какую мы создали.

Величайшее и самое распространенное заблуждение нуждается в поддержке самой бескорыстной добродетели. Легкий упрек, какой обычно адресуют патриотизму, чаще всего навлекают на себя люди благородные. Те, кто осуждает правительство и его мероприятия и одновременно поддерживает его, являются несомненно самыми добросовестными его сторонниками и зачастую наибольшим препятствием на пути реформ. Кое-кто петициями требует от штата выйти из Союза, пренебречь требованиями президента. Отчего они сами не расторгнут собственный союз со штатом и не откажутся вносить деньги в его казну? Разве они не находятся в тех же отношениях к штату, как штат – к Союзу? И разве не те же причины мешают штату сопротивляться Союзу, какие мешают им сопротивляться штату?

Как может человек иметь определенное мнение и на этом успокоиться? Можно ли успокоиться, если ваше мнение состоит в том, что вас обидели? Если сосед обманул вас на доллар, вы не довольствуетесь сознанием того, что обмануты, или заявлением об этом, или даже петициями о возвращении причитающейся вам суммы; вы сразу же предпринимаете практические шаги, чтобы получить ее сполна и не быть обманутым впредь. Поступок, продиктованный принципом, осознание справедливости и ее свершение изменяют вещи и отношения; он революционен по своей сути и не совместим вполне ни с чем, что было до того. Он не только раскалывает государства и церкви, он разделяет семьи; более того: вносит раскол и в *отдельную* душу, отмежевывая в ней дьявольское от божественного.

Несправедливые законы существуют; будем ли мы покорно им повиноваться, или попытаемся их изменить, продолжая пока что повиноваться им, или же нарушим их сразу? При таком правительстве, как наше, люди чаще всего считают, что следует ждать, пока не удастся убедить большинство изменить законы. Они полагают, что сопротивление было бы большим злом. Но если это *действительно* большее из двух зол, то виновато в этом само правительство. Именно *оно* делает его большим злом. Отчего оно неспособно идти навстречу реформам? Отчего не ценит разумное меньшинство? Зачем сопротивляется и кричит раньше, чем его уда-

¹¹ Чудак. – Имеются в виду члены тайного масонского общества «Чудак», возникшего первоначально в Англии в начале XVIII в., а в 1806 г. основанного в США.

рили? Отчего не поощряет в своих гражданах бдительность к своим недостаткам и более правильные поступки, чем те, на которые оно их толкает? Зачем оно всегда распинает Христа, отлучает Коперника и Лютера и объявляет мятежниками Вашингтона и Франклина?

По-видимому, обдуманное и подкрепленное действием непризнание его власти является единственным проступком, которое правительство не сумело предусмотреть; иначе почему за него не положено определенной и соразмерной кары? Если человек, не имеющий собственности, хоть однажды откажется заработать для правительства девять шиллингов, его заключают в тюрьму на срок, не ограниченный никаким известным мне законом и определяемый только по усмотрению лиц, которые его туда заключили; а если он украдет у государства девяносто раз по девяти шиллингов, его скоро выпускают на свободу.

Если несправедливость составляет неизбежную часть трения правительственной машины, то пусть себе вертится, пусть; авось трение мало-помалу уменьшится и, уж конечно, износится машина. Если несправедливость зависит от какой-то одной пружины, или шкива, или троса, или рычага, тогда, быть может, придется задуматься, не будет ли исправление зла злом еще худшим; но если она такова, что требует от вас вершить несправедливость в отношении другого, тогда я скажу: такой закон надо нарушить. Пусть твоя жизнь станет тормозящей силой и остановит машину. Я, во всяком случае, должен позаботиться, чтобы не поддаться злу, которое я осуждаю.

Что касается средств исправления зла, предлагаемых государством, то мне такие средства неизвестны. Слишком много времени они требуют, на это уйдет вся жизнь. А у меня есть другие дела. Я явился в этот мир не столько затем, чтобы сделать его местом, удобным для жилья, сколько затем, чтобы в нем жить, хорош он или плох. Человеку дано сделать не все, а лишь что-то; и именно потому, что он не может сделать *всего*, не надо, чтобы это *что-то* он делал неправильно. Не мое дело слать петиции губернатору или законодательным учреждениям, как и не их дело – слать петиции мне; и если на мою петицию они не обратят внимания, что мне делать тогда? В этом случае государство не предусматривает никакого выхода; именно его конституция и является злом. Это, быть может, звучит резко, упрямо и непримиримо, но именно так я проявляю наибольшую бережность и уважение к той человеческой сущности, которая этого заслуживает или может понять. Таковы все перемены к лучшему, как, например, рождение и смерть, от которых тело содрогается в конвульсиях.

Я не колеблясь заявляю, что все, называющие себя аболиционистами, должны немедленно отказать в какой бы то ни было поддержке правительству штата Массачусетс, а не ждать для защиты правого дела, чтобы составилось большинство в один голос. Я полагаю, что им достаточно иметь на своей стороне бога и не надо ждать еще одного сторонника. К тому же любой человек, который больше прав, чем его ближние, уже составляет большинство в один голос.

С американским правительством, или его представителем – правительством штата, я встречаюсь непосредственно и лицом к лицу раз в году – не чаще – в образе сборщика налогов; такова единственная обязательная встреча с ним для человека в моем положении; и оно при этой встрече явственно говорит: «Признай меня!» И самый простой и действенный, а при нынешнем положении дел самый необходимый способ говорить с ним, выразить ему, как вы им недовольны и как его не любите, это – отказать ему. Мой учтивый сосед, сборщик налогов, – вот с кем мне приходится иметь дело, потому что, в сущности, мои претензии обращены к людям, а не к пергаменту, а он добровольно стал агентом правительства. Разве сможет он узнать, что он собой представляет и как правительственный чиновник, и как человек, пока ему не придется подумать, как отнестись ко мне, своему соседу, которого он уважает, – как к соседу и порядочному человеку или как к сумасшедшему и нарушителю спокойствия, – и попробовать преодолеть это препятствие для добрососедских отношений, не позволяя себе при этом необдуманных и грубых слов и мыслей. Зато я хорошо знаю, что, если бы тысяча, или сто, или

десять человек, которых я мог бы перечислить, – всего десять *честных* людей – или даже *один* честный человек в нашем штате Массачусетс *отказался владеть рабами*, вышел бы из этого сообщества и был бы за это посажен в тюрьму, это означало бы уничтожение рабства в Америке. Не важно, если начало скромное; что однажды сделано хорошо, то сделано навечно. Но мы предпочитаем говорить и в этом усматриваем свою миссию. На службе Реформы состоят дюжины газет, но ни одного человека. Если бы мой уважаемый сосед, посланник штата, который посвятил свою жизнь вопросу о правах человека в Верховном суде, вместо того чтобы считать главной угрозой тюрьмы в Каролине¹², имел в виду Массачусетс, старающийся свалить грех рабовладения на другой штат – хотя до сих пор поводом для ссоры между ними может быть только недостаток гостеприимства, – законодательные власти не стали бы будущей зимой снимать этот вопрос с повестки. При правительстве, которое несправедливо заключает в тюрьму, самое подходящее место для справедливого человека – в тюрьме. Сейчас самое лучшее место, единственное, какое Массачусетс приготовил для своих самых свободолюбивых, не павших духом жителей, – это тюрьмы, где он отрекается от них, как они уже отреклись от него благодаря своим убеждениям. Именно здесь должен их находить беглый раб, мексиканский военнопленный, отпущенный под честное слово, и индеец – ходатай за обиженных соплеменников; здесь, на особой, но более свободной и почетной территории, куда штат помещает тех, кто не *с ним*, а *против* него, – единственный дом в рабовладельческом штате, где свободный человек может жить с честью. Если кто-либо думает, что здесь он утратит свое влияние, и его голос не дойдет до ушей Штата, и он не будет в этих стенах представлять собой противника, значит, он не знает, насколько истина сильнее заблуждения и насколько красноречивее и успешнее может бороться с несправедливостью тот, кто хоть отчасти испытал ее на себе. Подавать голос надо не в виде бумажного бюллетеня, а всего своего влияния. Меньшинство бессильно, когда подчиняется большинству; тогда оно даже и не меньшинство; но оно всесильно, когда противится изо всех сил. Если Штату предоставится выбор – держать всех справедливых людей в тюрьме или отказаться от войны и рабовладения, он не поколеблется. Если бы в этом году тысяча человек отказались платить налоги, не было бы ни насилия, ни кровопролития, какие вызовет уплата налога, которая позволит Штату совершать насилия и проливать невинную кровь. Это была бы именно мирная революция, если такая возможна. Когда сборщик налогов или другой чиновник спрашивает меня, как уже сделал один из них: «Но что я могу сделать?» – я отвечаю: «Если действительно хотите что-то сделать, подайте в отставку». Если подданный отказывается повиноваться, а чиновник отказывается от должности, революция свершилась. Но положим даже, что прольется кровь. А разве из раненой совести не льется кровь? Из этой раны вытекает все мужество и бессмертие человека, истекая этой кровью, он умирает навеки. Вот эта кровь и льется сейчас. Я ждал тюремного заключения, а не описи имущества – хотя то и другое служит одной цели, – потому что те, кто отстаивает чистую справедливость и, следовательно, всего опаснее для продажного государства, обычно не тратят времени на накопление имущества. Таким государство оказывает сравнительно мало услуг, и даже небольшой налог может показаться непомерным, особенно если им приходится зарабатывать его трудами своих рук. Если бы нашлся человек, вовсе обходящийся без денег, даже государство не решилось бы требовать их с него. А богач – говорю это безо всяких обидных сравнений – всегда продан тем установлениям, которым он обязан своим богатством. Вообще говоря, чем больше денег, тем меньше добродетели: потому что деньги становятся между человеком и его желаниями и осуществляют их вместо него, а это, конечно, не большая заслуга. Они решают множество вопросов, на которые ему иначе пришлось бы отвечать, а единствен-

¹² ...*тюрьмы в Каролине*. – Имеются в виду обстоятельства поездки известного адвоката Самуэла Хоурда (1778–1856) в Чарлстон (Южная Каролина) в 1844 г. для защиты прав негров из Массачусетса. Грубое обращение южных властей с Хоурдом вызвало возмущение в северных штатах.

ным новым вопросом оказывается трудный, но излишний вопрос: как их истратить? Так выбивается у него из-под ног нравственная почва. Возможности жизни уменьшаются с возрастанием так называемых средств к жизни. Самое лучшее, что человек может сделать для своей культуры, когда разбогатеет, это – попытаться осуществить те планы, какие у него были, когда он был беден. Христос ответил иродианам по их разумению. «Покажите мне монету, которою платится подать»¹³, – сказал он, и один из них вынул из кармана пенни. Если у вас в ходу деньги с изображением кесаря, которые им обеспечены и пущены в обращение, то есть *если вы люди государственные* и охотно пользуетесь благами кесарева правления, то и платите ему его же монетою, когда он с вас требует. Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу¹⁴, а какое – чье, они так и не разобрались, потому что не хотели знать.

Беседуя с наиболее свободомыслящими из моих соседей, я замечаю, что, сколько бы они ни говорили о серьезности вопроса и о своем уважении к общественному спокойствию, дело сводится к тому, что им нужна защита существующего правительства и они опасаются последствий неповиновения для своего имущества и своих семей. Что касается меня, то мне не хочется думать, что я нахожусь под защитой государства. Но если я брошу ему вызов, когда оно потребует с меня налог, оно скоро заберет все мое имущество и не даст покоя ни мне, ни моим детям. Это плохо. Человеку невозможно жить честно и в то же время в достатке и уважении. Не стоит накапливать имущество; наверняка скоро его потеряешь. Надо быть арендатором или скваттером, поменьше сеять и поскорее все съесть. Надо жить внутренней жизнью, полагаться на себя, постоянно быть готовым сняться с места и не заводить множества дел. Разбогатеть можно даже в Турции, если во всем быть примерным подданным турецкого правительства. Конфуций говорит: «Когда государство управляется согласно с разумом, постыдна бедность и нужда; когда государство не управляется согласно с разумом, то постыдны богатство и почести»¹⁵. Итак, пока мне не нужна защита Массачусетса в какой-нибудь дальней Южной гавани, где грозит опасность моей свободе, пока я не стремлюсь здесь у себя скопить богатства мирным предпринимательством, я могу себе позволить отказать Массачусетсу в повиновении и в правах на мое имущество и жизнь. Кара за неповиновение правительству во всех смыслах обойдется мне дешевле, чем повиновение. В последнем случае я буду чувствовать, что сам стою меньше.

Несколько лет назад правительство предъявило мне счет в пользу церкви и велело уплатить некую сумму на содержание священника, чьи проповеди посещал мой отец, но никогда не посещал я сам. Плати, – сказали мне, – иначе сядешь в тюрьму. Я отказался платить. К сожалению, некто другой счел нужным уплатить эту сумму. Я не понимаю, почему берут налог с учителя в пользу священника, а не наоборот; как учителя меня содержало не государство, а добровольная подписка. Я не понимаю, почему бы школе, а не только церкви не собирать в свою пользу налог с помощью правительства. Однако, по требованию городского управления, я согласился сделать следующее письменное заявление: «Да будет всем известно, что я, Генри Торо, не желаю считаться членом какой бы то ни было официальной организации, в которую я не вступал». Это заявление я вручил секретарю городской корпорации, который ее и хранит. С тех пор правительство, уведомленное о том, что я не хочу считаться членом этой церковной общины, больше не предъявляло ко мне подобных требований, хотя в тот раз настаивало на своей претензии. Если бы я знал, как они называются, я тут же выписался бы из всех организаций, в которые никогда не записывался; но я не знал, где найти их полный список.

¹³ Евангелие от Матфея, 22:19.

¹⁴ Евангелие от Матфея, 22:21.

¹⁵ Конфуций. Лунь Юй (Беседы и суждения). XIV, 1.

Я уже шесть лет не плачу избирательный налог. Однажды я был за это заключен в тюрьму на одну ночь¹⁶; разглядывая прочные каменные стены толщиной в два-три фута, окованную железом дверь толщиной в фут и железную решетку, едва пропускавшую свет, я был поражен глупостью этого учреждения, которое обращалось со мной так, словно я всего лишь кровь, плоть и кости, которые можно держать под замком. Я подивился, что выбрали именно этот способ меня использовать и не додумались, что я могу пригодиться на что-нибудь другое. Я понял, что если меня отделяет от моих сограждан каменная стена, то им нужно пробиться или перелезть через еще более высокую стену, чтобы достичь свободы, какую располагаю я. Ни на миг я не почувствовал себя лишенным свободы, а стены были просто напрасной тратой камня и известки. Я чувствовал себя так, как будто один лишь я уплатил налог. Они явно не знали, как со мной обращаться, и вели себя как дурно воспитанные люди. Как угрозы, так и уговоры были ошибкой; ибо они думали, что главным моим желанием было оказаться по другую сторону этой каменной стены. Я невольно улыбался, глядя, как старательно они запирали дверь за моими мыслями, которые выходили беспрепятственно, а ведь только *они* и представляли опасность. Бессильные добраться до меня самого, они решили покарать мое тело; совсем как мальчишки, которые, если не могут расправиться с кем-нибудь, на кого они злы, вымещают это на его собаке. Я понял, что государство слабоумно, что оно трясется, как одинокая женщина за свои серебряные ложки, и не отличает друзей от врагов; я потерял к нему последние остатки уважения и почувствовал жалость.

Итак, государство никогда намеренно не угрожает разуму или нравственному чувству человека, а только его телу и пяти чувствам. Оно вооружено не превосходящей мудростью или честностью, а только физической мощью. А я не затем родился, чтобы терпеть насилие. Я хочу дышать по-своему. Посмотрим же, кто сильнее. Какой силой наделена толпа? Принудить меня могут только те, кто подчиняется высшему, чем я, закону. А они принуждают меня уподобиться им самим. Я не слышал, чтобы множеству людей удавалось принудить человека жить именно так, а не этак. Какая бы это была жизнь? Когда мне встречается правительство, которое говорит мне: «Кошелек или жизнь», к чему мне спешить отдавать кошелек? Быть может, оно находится в крайней нужде и не знает, что делать; но я тут ни при чем. Пускай выпутывается само, как делаю я. Хныкать над этим не стоит. Я не ответствен за исправную работу общественной машины. Я не сын инженера, который ее изобрел. Я вижу, что, когда желудь и каштан падают рядом, ни один из них не впадает в оцепенение, чтобы дать дорогу другому; каждый следует собственному закону, пробивается, растет и цветет, как умеет, пока один, быть может, не заслонит другого. Если растение не может жить согласно своей природе, оно гибнет; так же и человек.

Ночь в тюрьме оказалась чем-то новым и довольно интересным. Когда я вошел, заключенные, сняв сюртуки, болтали и дышали вечерним воздухом в дверях. Но тюремщик сказал: «Пора запирать, ребята», и они разошлись, и я услышал, как в камерах гулко раздались их шаги. Моего соседа по камере тюремщик представил мне как отличного парня и умного человека. Когда дверь заперли, он показал мне, куда повесить шляпу и как все устроено. Камеры ежемесячно белили; и эта, во всяком случае, была самой белой, проще всего обставленной и опрятной комнатой во всем городе. Он, конечно, пожелал узнать, откуда я и почему оказался здесь; я рассказал ему, а затем в свою очередь спросил, как он сюда попал, предполагая, что это честный человек; по существующим понятиям, таким он и был. «Меня обвиняют в том, что я сжег амбар, – сказал он, – а я этого не делал». Насколько я мог понять, вероятно, он, пьяный, курил в амбаре трубку и заснул там; вот амбар и сгорел. Он слыл умным человеком, ждал суда уже три месяца и должен был прождать еще столько же; но он тут совсем обжился и был доволен, потому что кормили бесплатно и обходились, по его мнению, хорошо.

¹⁶ Речь идет о случае с Торо в июле 1846 г., рассказанном также в его книге «Уолден, или Жизнь в лесу» (глава «Поселок»).

Он занимал одно из окон, я – другое; и я увидел, что для тех, кто находится тут долго, главным занятием становится смотреть из окна. Я скоро прочел все душеспасительные брошюры, какие были, посмотрел, откуда бежали в свое время заключенные и где была перепилена решетка, и прослушал рассказ о прежних обитателях камеры; оказалось, что и здесь есть своя история и свои сплетни, никогда не выходящие за стены тюрьмы. Вероятно, это единственный дом в городе, где сочиняют стихи, которые затем переписываются, но не издаются. Мне показали множество переписанных стихов, сочиненных некими юношами, пойманными при попытке к бегству, которые затем распевали их в отместку.

Я постарался вывести у моего товарища по заключению все, что можно, опасаясь, что больше его не встречу, но наконец он показал мне, где лечь, и велел задуть лампу. Провести здесь ночь было все равно что побывать в дальней стране, куда я никогда не предполагал попасть. Мне казалось, что я никогда прежде не слышал боя городских часов и звуков засыпающего селения; ибо мы спали с открытыми окнами, а решетка была снаружи. Родное селение предстало мне как бы средневековым. Конкорд превратился в Рейн, и передо мною прошли видения рыцарей и замков. С улицы доносились голоса старых бюргеров. Я стал невольным свидетелем всего, что делалось и говорилось в кухне соседнего постоянного двора – это было для меня нечто совершенно новое и редкостное. Я как бы увидел родной город вблизи, почти изнутри. Раньше я никогда не видел его учреждений. А тут было одно из них, потому что это главный город графства. Я начал разбираться в делах его жителей.

Утром нам через отверстие в двери дали завтрак в маленьких оловянных кастрюлях соответствующих размеров, вмещавших пинту шоколада, а также темного хлеба и жестяную ложку. Когда пришли за посудой, я по неопытности вернул остатки хлеба, но мой товарищ схватил его и сказал, что его надо приберечь ко второму завтраку или к обеду. Вскоре его повели на работу в поле, где он должен был до полудня сгребать сено, и он попрощался со мной, считая, что больше мы не свидимся.

Когда я вышел из тюрьмы – ибо кто-то вмешался и уплатил налог¹⁷, – я не заметил тех перемен в окружающем, какие видел заключенный, входивший сюда юношей, а выходявший дряхлым седым старцем; и все же что-то для меня изменилось – город, штат и страна – больше, чем могло бы измениться просто от времени. Я яснее увидел штат, в котором живу. Я увидел, насколько можно полагаться на соседские и дружеские чувства людей, среди которых я живу; увидел, что дружба их – только до черного дня; что они не расположены поступать по справедливости; что их предрассудки и суеверия делают их таким же чуждым мне племенем, как китайцы и малайцы; что ради человечности они не согласны рисковать ничем, даже имуществом; что не так уж они великодушны, чтобы не поступать с вором так же, как он с ними, и надеются спасти свои души соблюдением некоторых внешних правил, несколькими молитвами и тем, что иногда идут прямым, хотя и бесполезным путем. Быть может, я сужу своих ближних чересчур строго; ведь многие из них, мне кажется, не знают, что в их городе есть такое учреждение, как тюрьма.

В нашем селе был прежде обычай приветствовать должников, вышедших из тюрьмы, растопыривая перед глазами пальцы наподобие тюремной решетки. Мои соседи не делали этого приветственного жеста, но смотрели на меня, а потом друг на друга так, словно я вернулся после долгих странствий. Меня посадили в тюрьму, когда я шел к башмачнику взять из починки башмак. На следующее утро, когда меня выпустили, я dokonчил начатое дело, надел починенный башмак и присоединился к компании, отправлявшейся за черникой и поджидавшей меня как своего предводителя; через полчаса – лошадь была быстро запряжена – я был

---

¹⁷ Когда я вышел из тюрьмы – ибо кто-то вмешался и уплатил налог. – Существуют различные точки зрения, кто заплатил за Торо налог. Семейная легенда приписывает этот денежный взнос, освободивший Торо из тюрьмы, его теткам.

уже посреди черничника, на одном из самых высоких наших холмов, в двух милях от города, и совершенно потерял из виду государство.

Такова история моих темниц¹⁸.

Дорожный налог я никогда не отказываюсь платить, потому что так же хочу быть хорошим соседом, как плохим подданным; а что касается налога в пользу школы, то именно сейчас я и вношу свою долю в воспитание сограждан. Я отказываюсь платить не из-за того или иного пункта в налоговой ведомости. Я просто отказываюсь повиноваться требованиям государства и не хочу иметь с ним ничего общего. У меня нет охоты проследивать путь моего доллара, если бы даже это было возможно, пока на него не купят человека или ружье, чтобы убить человека, – доллар не виноват, – но мне важно проследить последствия моего повиновения. В общем, я по-своему объявил государству тихую войну, хотя, как принято в подобных случаях, намерен, тем не менее, извлекать из него возможную пользу и выгоду.

Если другие платят требуемый с меня налог из сочувствия государству, они делают то же самое, что уже сделали раз за себя самих, то есть содействуют несправедливости даже усерднее, чем требует государство. Если они платят налог из неуместного сочувствия налогоплательщику, чтобы сберечь его имущество, а его самого избавить от тюрьмы, это потому, что они не поразмыслили, насколько они позволяют своим личным чувствам препятствовать общественному благу.

Такова моя нынешняя позиция. Но в подобных случаях человек должен быть настороже, чтобы на его поступок не влияло упрямство или чрезмерная оглядка на мнение окружающих. Пусть он выполняет только свой долг перед самим собою и перед временем.

Иногда я думаю: да ведь эти люди имеют добрые намерения, они просто не знают; они поступали бы лучше, если бы знали, как надо; зачем огорчать своих ближних, вынуждая их поступать с тобою так, как им не хотелось бы? Но затем я думаю: это не причина, чтобы и мне делать, как они, или причинять другим гораздо большие страдания иного рода. И еще я говорю себе иногда: если многомиллионная масса людей без злобы, без какого-либо личного чувства требует от тебя всего несколько шиллингов и не может, так уж она устроена, отказаться от этого требования или изменить его, а ты не можешь апеллировать к другим миллионам, к чему бросать вызов неодолимой стихийной силе? Ведь не сопротивляешься же ты с таким упрямством холоду и голоду, ветрам и волнам; и спокойно покоряешься множеству других неизбежностей. И голову в огонь ты тоже не суешь. Но именно потому, что эта сила не представляется мне целиком стихийной, а отчасти человеческой, и что с этими миллионами я связан как с миллионами людей, а не бесчувственных предметов, именно поэтому я вижу возможность апеллировать, во-первых, к их создателю, а во-вторых, к ним самим. А когда я сознательно сую голову в огонь, то не могу апеллировать ни к огню, ни к создателю огня и должен винить только себя. Если бы я мог убедить себя, что я вправе довольствоваться людьми как они есть и относиться к ним соответственно, а не согласно моим понятиям о том, каковы должны быть и они и я, тогда, как добрый мусульманин и фаталист, я постарался бы удовлетвориться существующим положением вещей и говорил бы, что такова божья воля. Но между сопротивлением людям и чисто стихийной силе природы прежде всего та разница, что первым я могу сопротивляться с некоторым успехом, но не надеюсь уподобиться Орфею и изменить природу скал, деревьев и зверей.

Я не хочу враждовать ни с людьми, ни с народами. Не хочу заниматься казуистикой, проводить тонкие различия или выставлять себя лучше других. Скорей, я ищу предлог, чтобы подчиниться законам страны. Я даже слишком склонен им подчиняться. Эту склонность я сам в себе замечаю и каждый год при появлении сборщика налогов бываю готов пересмотреть дей-

---

¹⁸ ...моих темниц. – Имеется в виду книга итальянского поэта-карбонария Сильвио Пеллико (1789–1854) «Мои темницы» (1832), которая имела большой успех и была переведена на многие европейские языки.

ствия и точку зрения правительств страны и штата, а также общественные настроения, чтобы найти повод повиноваться.

К отчизне надобно сыновнее почтение,
И если мне когда-нибудь случится
Священным этим долгом пренебречь,
Пусть это будет только по велению
Души моей, и совести, и веры,
Но не затем, чтоб выгоду искать¹⁹.

Я полагаю, что государство скоро избавит меня от всей такой работы, и тогда я буду не лучшим патриотом, чем мои соотечественники. Если рассматривать ее с низменной точки зрения, конституция при всех ее недостатках очень хороша; законы и суды – весьма почтенны; даже правительства Америки и штата во многом заслуживают восхищения, очень многими так и описаны, и мы должны быть за них благодарны; но с точки зрения хоть немного более высокой они именно таковы, какими их описал я, а с еще более высокой и с высшей кто скажет, каковы они и стоят ли вообще того, чтобы смотреть на них или о них думать?

Впрочем, до правительства мне мало дела, и я намерен думать о нем как можно меньше. Даже в этом мире я не часто бываю подданным правительства. Если человек свободен в своих мыслях, привязанностях и воображении и то, *чего нет*, никогда надолго не предстает ему как то, *что есть*, ему не страшны неразумные правители и реформаторы.

Я знаю, что большинство людей думают иначе, чем я; но с теми, кто посвятил себя изучению этих или подобных вопросов, я согласен не больше. Государственные деятели и законодатели, находящиеся целиком внутри здания, никогда не видят его ясно. Они намерены сдвинуть общество с места, а сами не имеют опоры вне его. Они, быть может, обладают известным опытом и проницательностью и, наверно, изобрели остроумные и даже полезные системы, за которые мы им искренне благодарны; но все их остроумие и полезность ограничены известными, отнюдь не широкими рамками. Они склонны забывать, что мир не управляется принципами благоразумия и целесообразности. Вебстер²⁰ никогда не вникает в дела правительства и потому не может говорить о нем авторитетно. Это – оракул для тех законодателей, которые не намерены проводить коренные реформы существующего правительства; но для мыслителей и тех, кто создает законы на века, он даже не касается предмета. Я знаю людей, чьи ясные и мудрые размышления на эту тему легко разоблачили бы его ограниченность. Конечно, рядом с дешевыми фразами большинства реформаторов и еще более дешевым красноречием и мудростью политиков вообще это почти единственные разумные и ценные слова, и мы благодарим за них небо. Рядом с ними Вебстер силен, оригинален, а главное, практичен. И все же он силен не мудростью, но благоразумием. Истина законника – это не Истина, а всего лишь логика и логичная целесообразность. Истина всегда находится в согласии с самой собою и не озабочена доказыванием справедливости, которая способна совмещаться с дурными поступками. Вебстер заслуживает свое прозвище Защитника конституции. Он способен биться только в обороне. Это не вождь, а последователь. Его вожди – это деятели 87-го года²¹. Я никогда не делал, – говорит он, – и не намерен делать, никогда не поддерживал и не намерен поддерживать попытки нарушить первоначальное соглашение, по которому штаты объединились. О том, что конституция санкционирует рабство, он говорит: «Раз так было в первоначальном договоре,

---

¹⁹ Из 2-й сцены второго действия трагедии «Битва при Алькасаре» (1589) английского драматурга Джорджа Пиля (1558–1597).

²⁰ Вебстер Дэниел (1782–1852) – американский государственный деятель, прославившийся как оратор. Далее Торо цитирует его речь 12 августа 1848 г.

²¹ ...деятели 87-го года. – В 1787 г. была принята конституция США.

пусть так и будет». Несмотря на остроту ума, он неспособен рассматривать факт вне его политических связей, как нечто такое, что решается размышлением – как, например, должен поступать человек в сегодняшней Америке в отношении рабства, – и вынужден дать следующий безрассудный ответ, заверяя, что это всего лишь его личное мнение, из которого можно вывести весьма новый и странный кодекс общественного долга. Штаты, где существует рабовладение, – говорит он, – должны управляться с рабством по своему усмотрению, неся ответственность перед избирателями, перед общими законами гуманности и справедливости и перед богом. Союзы его противников, возникающие в других местах как во имя гуманности, так и в других целях, не имеют к нему никакого касательства. Я никогда не поощрял их и никогда не стану.

Те, кому неизвестны более чистые источники истины, кто не проследил ее выше по течению, благоразумно останавливаются на Библии и на конституции и пьют из источника именно там, благоговейно и смиренно; но те, кому видно, откуда она просачивается в эти водоемы, снова препоясывают чресла и продолжают паломничество к самым истокам.

В Америке еще не было гениального законодателя. Они редки и в мировой истории. Ораторы, политики, красноречивые люди насчитываются тысячами, но еще не раскрывал рта тот, кто способен решить нынешние наболевшие вопросы. Нам нравится красноречие как таковое, не ради истин, которые оно может изречь, или героизма, на который может вдохновить. Наши законодатели еще не постигли сравнительного значения для нации свободной торговли и свободы, объединения и справедливости. У них не хватает таланта даже для таких сравнительно скромных дел, как налоги и финансы, торговля, промышленность и сельское хозяйство. Если бы мы руководствовались словоизлияниями законодателей Конгресса, без поправок, вносимых своевременным опытом и действенным протестом народа, Америка недолго удерживала бы свое место среди других наций. Евангелие написано вот уже тысячу восемьсот лет назад; хотя не мне бы об этом говорить, а где тот законодатель, у которого хватило бы мудрости и практического умения, чтобы воспользоваться светом, который оно проливает на законодательство?

Власть правительства, даже такого, которому я готов повиноваться – ибо охотно подчинюсь тем, кто знает больше и поступает лучше меня, а во многом даже тем, кто меня не лучше, – все же нечиста; чтобы быть вполне справедливой, она должна получить санкцию и согласие управляемых. Правительство имеет лишь те права на меня и мое имущество, какие я за ним признаю. Прогресс от абсолютной монархии к ограниченной, а от нее – к демократии приближает нас к подлинному уважению к личности. Даже китайский философ²² понимал, что личность – основа империи. И разве демократия в том виде, какой известен нам, является последним возможным достижением? Разве нельзя сделать еще шаг к признанию и упорядочению прав человека? Подлинно свободное и просвещенное государство невозможно, пока оно не признает за личностью более высокую и независимую силу, источник всей его собственной власти и авторитета, и не станет обходиться с ней соответственно. Мне нравится воображать такое государство, которое сможет наконец позволить себе быть справедливым ко всем людям и уважать личность, как своего соседа; и которое даже не станет тревожиться, если несколько человек чуждаются его и держатся в стороне, лишь бы выполняли свой долг в отношении ближних. Государство, приносящее такие плоды и позволяющее им падать с дерева, когда созреют, подготовило бы почву для государства еще более совершенного, которое я тоже воображаю, но еще нигде не видел.

---

²² Даже китайский философ... – то есть Конфуций (551–479 до н. э.), в основе учения которого лежит идея подчинения подданных государю.

Рабство в Массачусетсе

Недавно я присутствовал на собрании граждан Конкорда, намереваясь, как и многие другие, выступить там на тему рабства в Массачусетсе; но, к своему удивлению и разочарованию, обнаружил, что моих сограждан тревожит не Массачусетс, а Небраска²³, и что заготовленное мною выступление будет совсем не к месту. Я-то думал, что пожар у нас дома, а не в прерии; но хотя несколько граждан Массачусетса сидят в настоящее время в тюрьме за попытку вырвать раба из когтей штата, ни один из выступавших на собрании не выразил по этому поводу сожаления и даже не упомянул об этом. Они явно интересовались только тем, как распорядиться пустошами, лежащими за тысячу миль от нас. Жители Конкорда не расположены защищать собственные мосты; речь у них идет о том, чтобы занять позиции на возвышенностях за рекой Иеллоустон. Туда отступают наши Баттрики, Дэвисы и Хосмеры²⁴, и боюсь, что между ними и неприятелем не произойдет второго Лексингтона. В Небраске нет ни одного раба; а в Массачусетсе их наверняка миллион.

Те, кто воспитан в школе политики, сейчас, как и всегда, не умеют смотреть в лицо действительности. Их меры – всего лишь полумеры и паллиативы. Они бесконечно оттягивают день расчета, а долг, между тем, растет. Хотя на сей раз Закон о беглых рабах не был предметом обсуждения, мои сограждане, как я узнал, робко постановили на одном отложенном собрании, что, поскольку компромиссное решение 1820 года²⁵ было отвергнуто одной из партий... «Закон о беглых рабах должен быть отменен». Но это не причина для отмены несправедливого закона. Политический деятель стоит лишь перед фактом, что среди воров меньше чести, чем предполагалось, но не перед тем, что они – воры.

Так как я не имел возможности высказаться на этом собрании, разрешите мне сделать это сейчас.

Снова здание бостонского суда полно вооруженных людей, которые арестовали и судят ЧЕЛОВЕКА, чтобы выяснить, не РАБ ли он. Неужели кто-нибудь полагает, что правосудие и бог ждут решения м-ра Лоринга²⁶? Он просто ставит себя в смешное положение, все еще решая этот вопрос, когда тот уже решен в вечности, и решение утверждено и самим неграмотным рабом, и окружающей толпой. Нам хочется спросить, кто назначил его на должность и кто таков он сам; каким новым статутам он следует и какие прецеденты признает. Само существование подобного судьи просто неуместно. Мы уже не предлагаем ему собраться с мыслями, а предлагаем поскорее собрать пожитки.

Я хочу услышать голос губернатора²⁷, командующего всеми войсками Массачусетса. А слышу только стрекот сверчков и жужжание насекомых в летнем воздухе. Дело губернатора – производить смотр войскам в дни сборов. Я видел его на коне, с обнаженной головой, слуша-

---

²³ *Небраска* – речь идет о принятом 22 мая 1854 г. конгрессом США законопроекте южан, известном под названием «Канзас – Небраска». В основу его легла доктрина рабовладельцев о «суверенитете поселенцев», то есть вопрос о рабстве на любой территории или в штате должен решаться местным населением.

²⁴ *Баттрики, Дэвисы, Хосмеры* – известные в Конкорде семейства.

²⁵ Компромиссное решение 1820 года. – Речь идет о Миссурийском компромиссе. В связи с принятием в число штатов территории Миссури и предоставлением ей прав штата в 1819 г. разгорелся ярыстный спор, охвативший всю страну и продолжавшийся два года: быть ли Миссури свободным или рабовладельческим штатом. Инициатором Миссурийского компромисса выступил Г. Клей. После того как с просьбой о приеме в число штатов обратился Мэн, чтобы не нарушать равновесия сил в сенате, было решено принять оба штата формально без всяких предварительных ограничений в отношении рабства.

²⁶ *М-р Лоринг*. – 24 мая 1854 г. судья Эдвард Г. Лоринг приказал арестовать негра Энтони Бернса как беглого раба из Виргинии. Суд был назначен на 27 мая, а 26-го состоялся митинг протеста, на котором выступали известные аболиционисты Теодор Паркер и Уенделл Филлипс. Суд вернул Э. Бернса его хозяину в Виргинию.

²⁷ *Я хочу услышать голос губернатора...* – Губернатором Массачусетса в 1854 г. был Джон Генри Клиффорд (1809–1876), которого в том же году сменил Эмори Уошберн (1800–1877). Оба вызывали резкую критику со стороны Торо.

ющего молитву капеллана. Это единственный раз, когда мне довелось видеть губернатора. Мне кажется, я мог бы обойтись и без него. Если уж *он* не может охранять меня от опасности быть схваченным, на что он вообще может мне понадобиться? Когда свободе грозит наибольшая опасность, его совсем не видно. Один известный священник говорил мне, что избрал духовную карьеру потому, что она оставляет больше всего досуга для литературных занятий. Я посоветовал бы ему должность губернатора.

Три года назад, когда разыгралась трагедия Симса²⁸, я говорил себе: есть ведь такая должность, как губернатор Массачусетса, если уж нет такого человека, – что же он делал в последние две недели? Трудно ему было, должно быть, сохранять нейтралитет во время этого морального землетрясения. Мне казалось, что нельзя было сочинить на него более злой сатиры, нанести ему большего оскорбления, чем то, что произошло, – а именно что никто не вспомнил о нем в тот критический час. Самое худшее и самое большее, что я о нем знаю, это то, что он не воспользовался этим случаем, чтобы как-то себя проявить, и проявить достойно. Он мог бы снискать популярность, хотя бы *подав в отставку*. Казалось, все забыли, что существует такой человек или такая должность. Однако все это время он занимал губернаторское кресло. Это не мой губернатор. Такого мне не надо.

Но в данном случае о губернаторе наконец услышали. После того как ему и правительству Соединенных Штатов удалось отнять у бедного, ни в чем не повинного негра пожизненно свободу, а также, насколько они сумели, лишить его веры в его создателя, он выступил перед своими сообщниками на праздничном ужине!

Я прочел новый закон штата, объявляющий наказуемой попытку «любого чиновника правительства» задержать или способствовать задержанию на территории штата «любого человека, разыскиваемого как беглый раб». Но известно также, что постановление об освобождении незаконно задержанного беглеца, содержавшегося под арестом, не могло быть вручено, потому что в помощь вручавшему не были посланы воинские части.

Я полагал, что губернатор в какой-то степени является исполнительной властью штата; что долг губернатора – следить за соблюдением законов штата, а долг человека – стараться не нарушать при этом законов человечности; но, как только он бывает особенно нужен, он оказывается бесполезен, и даже хуже того, допускает нарушение законов штата. Быть может, я не знаю, каковы обязанности губернатора, но если для того, чтобы быть губернатором, надо так безнадежно позориться и терять человеческое достоинство, я постараюсь никогда не быть губернатором Массачусетса. Я не слишком начитан в законах нашего государства. От этого чтения нет никакого проку. Там не всегда говорится правда и не всегда подразумевается то, что говорится. Для меня важно одно: влияние и власть этого человека были на стороне работодателя, а не раба – на стороне виновного, а не невинного, – несправедливости, а не правды. Я ни разу не видел того, о ком говорю; до этих событий я даже не знал, что он губернатор. Я слышал о нем тогда же, когда и об Энтони Бернсе, и так, наверно, было с большинством. Вот как мало я знал о том, кто мною правит. Конечно, то, что я о нем не слышал, еще нельзя поставить ему в упрек; плохо, что я слышал именно это. Худшее, что я скажу о нем, это – что он оказался не лучше, чем оказалось бы большинство его избирателей. По-моему, он не был на высоте положения.

Военные силы нашего штата целиком к услугам некоего м-ра Сатла, виргинского работодателя, дабы он мог изловить человека, которого называет своей собственностью; а вот для охраны жителя Массачусетса от похищения не найдется ни одного солдата! Неужели же для

---

²⁸ Симс, Томас – раб из Джорджии, бежавший в феврале 1851 г. в Бостон. Через несколько месяцев он был пойман, судим и возвращен своему хозяину в г. Саванну.

этого держат и *обучают* всех этих солдат в течение семидесяти девяти лет? Чтобы грабить Мексику²⁹ и возвращать хозяевам беглых рабов?

В последние вечера я слышал на наших улицах бой барабанов. Солдат продолжали *обучать*, а для чего? Я еще мог бы простить конкордским петухам, что продолжают кукарекать; ведь их в то утро не били; но не мог простить этих «рам-там-там» «обучающих». Раба поймали именно они, то есть солдаты, и лучшее, что можно о них сказать, – что это дураки, приметные по ярким мундирам.

Три года назад, как раз неделю спустя после того, как бостонские власти собрались, чтобы препроводить обратно в рабство ни в чем не повинного человека, зная, что он ни в чем не повинен, жители Конкорда звонили в колокола и стреляли из пушек в честь своего освобождения, а также мужества и свободолюбия своих предков, сражавшихся на мосту³⁰. Можно подумать, что те три миллиона человек бились за то, чтобы освободиться самим, но держать в рабстве другие три миллиона. В наше время люди носят дурацкий колпак и называют его фригийским колпаком свободы. Подозреваю, что иные, будучи привязаны к столбу для публичной порки и ухитрившись высвободить одну руку, станут этой рукою звонить в колокола и стрелять из пушек в ознаменование освобождения. Итак, некоторые мои сограждане взяли такую волю, что осмелились даже звонить и стрелять! Но только на это их и хватило: когда колокольный звон растаял в воздухе, растаяла и их свобода; когда пороховой дым рассеялся, их свобода улетучилась вместе с ним.

Это так же смешно, как если бы арестанты собрали деньги на порох для салютов, наняли тюремщиков, чтобы те за них стреляли и звонили, а сами любовались зрелищем из-за решеток...

Вот что я думал о моих ближних.

Каждый гуманный и разумный житель Конкорда, слыша эти колокола и эти пушки, вместо того чтобы с гордостью думать о событиях 19 апреля 1775 года, со стыдом вспоминал события 12 апреля 1851 года. Но сейчас мы наполовину погребли этот старый позор под новым.

Массачусетс ждал решения м-ра Лоринга, точно оно могло сколько-нибудь облегчить его вину. Самая явная и тяжкая вина Массачусетса состоит в том, что этому человеку разрешили быть арбитром в таком деле. Фактически то был суд над Массачусетсом. Когда он не решался освободить подсудимого и сейчас, когда он колеблется искупить свою вину, он тем самым осуждает себя. Его судит бог; не местный судия, а высший.

Я хочу сказать своим согражданам, что, каковы бы ни были законы, ни отдельный человек, ни нация не могут совершить даже малейшей несправедливости в отношении даже самого неprimетного из людей и избежать расплаты. Правительство, сознательно творящее несправедливость и упорствующее в этом, станет в конце концов посмешищем для всего мира.

О рабстве в Америке говорилось много, но я думаю, что мы даже не поняли еще, что такое рабство. Если б я всерьез предложил конгрессу перемолоть человечество на колбасы, не сомневаюсь, что большинство его членов улыбнулись бы на это, а если бы кто-либо отнесся к моему предложению серьезно, то счел бы, что я предлагаю нечто гораздо худшее, чем конгресс когда-нибудь осуществлял. Но если кто-то из них скажет мне, что превратить человека в колбасу хуже – и даже гораздо хуже, – чем сделать его рабом, чем ввести Закон о беглых рабах, я назову его глупцом, умственно неполноценным человеком, который видит различия там, где их нет. Первое предложение столь же разумно, как и второе.

Много говорят о том, что этот закон попирается. Делать это вовсе не трудно. Такой закон не подымается до уровня головы или разума; ему место только в грязи. Он родился и вырос в

---

²⁹ *Чтобы грабить Мексику...* – имеется в виду война США с Мексикой в 1846–1848 гг.

³⁰ *...предков, сражавшихся на мосту...* – имеются в виду события 19 апреля 1775 г. в Конкорде – один из первых эпизодов Войны за независимость США.

прахе и грязи, и каждый свободно идущий человек, который не обходит, подобно милосердным индусам, даже ядовитых гадов, непременно на него наступит и будет таким образом попирать его ногами, а с ним вместе и его автора Вебстера³¹ – навозного жука вместе с его навозным катышем.

Недавние события поучительны как пример соблюдения у нас справедливости, вернее, они отлично показали, где надо искать подлинную справедливость в любом обществе.

Дело дошло до того, что друзья свободы/друзья раба содрогнулись при мысли, что его судьба находится в руках законных судов нашей страны. Свободные люди не верят, что с ним поступят по справедливости; судья решит так или иначе, в лучшем случае это будет случайностью. Ясно, что в столь важном деле он не компетентен. Следовательно, тут нельзя опираться на прецеденты, надо установить прецедент на будущее. Я гораздо охотнее положился бы на народ. Его голосование по крайней мере представило бы какую-то ценность, пускай небольшую; а тут мы имеем всего лишь скованное предрассудками суждение одного человека, в любом случае ничего не значащее.

Для суда очень плохо, когда народ вынужден его проверять. Мне не хочется верить, что суды пригодны лишь для хорошей погоды и для самых мелких дел – но как предоставить какому бы то ни было суду решать вопрос о свободе более трех миллионов людей, в нашем случае – шестой части нации! А он был предоставлен так называемым судам *справедливости* – Верховному суду страны, – и, как всем известно, этот суд постановил, исходя из одной лишь конституции, чтобы эти три миллиона оставались рабами. Такие судьи – просто смотрители орудий взломщика и убийцы, которые проверяют, можно ли ими работать, и на этом полагают свою миссию законченной. В списке дел, подлежавших слушанию, значилось дело более важное, которое они, как судьи, назначенные богом, не имели права пропускать; и если бы они его решили по справедливости, то избегли бы дальнейшего унижения. Это – дело самого убийцы.

Закон не может делать людей свободными: сами люди должны делать закон свободным. Они – блюстители закона и порядка, соблюдающие его, когда его нарушает правительство.

Не тот судья над судьбою человека, кто всего лишь провозглашает решение закона, но тот, кем бы он ни был, кто из любви к справедливости, без предрассудков, внушенных людскими обычаями и установлениями, произносит над ним истинный приговор. Именно он его *приговаривает*. Кто умеет различать правду, тот и возводится в звание судьи более высокою властью, чем самый верховный суд в мире, различающий одни лишь законы. Он становится судьей над судьями. Странно, что столь простые истины требуют напоминания.

Я все более убеждаюсь, что в любом общественном вопросе важнее знать, что думает страна, чем знать мнение города. Город не всегда склонен *думать*. По любому нравственному вопросу я скорее обращусь к Боксборо, чем к Бостону и Нью-Йорку вместе взятым. Когда высказывается первый, я чувствую, что нечто действительно *сказано*, что *человечность* еще существует и некое разумное создание утверждает ее права, что какие-то беспристрастные жители наших гор задумались наконец над этим вопросом и несколькими разумными словами вернули народу добрую славу. Когда в глухом городке фермеры сходятся на чрезвычайное собрание, это, по-моему, и есть подлинный конгресс, самый почтенный из всех, когда-либо собиравшихся в Соединенных Штатах.

Ясно, что в нашем государстве существуют по крайней мере две партии, которые обозначаются все более ясно, – партия города и партия сельских местностей. Я знаю, что и в селе достаточно подлости, но хочется верить, что есть все же небольшая разница в его пользу. Но у села еще нет органов печати, чтобы выражать свое мнение. Передовые статьи, которые оно читает, как и новости, приходят с побережья. Давайте же и мы, сельские жители, воспитывать

---

³¹ Вебстер Дэниел (1782–1852) – американский государственный деятель, прославившийся как оратор. Закон о беглых рабах был принят в 1850 г. и отменен в 1864 г.

в себе чувство собственного достоинства. Давайте посылать в город только за сукном и бакалеей, а если и читать мнения города, то иметь все же свое собственное.

В числе необходимых мер я предложил бы такой же поход против прессы, какой был успешно проведен против церкви. Церковь за последние несколько лет стала заметно лучше, а пресса почти без исключения продажна.

Я считаю, что в нашей стране пресса оказывает более сильное и более пагубное влияние, чем оказывала церковь даже в худшие времена. Мы не отличаемся религиозностью, мы – нация политиканов. Мы равнодушны к Библии, но не к газете. На любом политическом собрании – хотя бы на том же недавнем собрании в Конкорде – как неуместно прозвучала бы цитата из Библии! И как принято цитировать газеты или конституцию! Газета – вот Библия, которую мы читаем каждое утро и каждый вечер, стоя и сидя, в поездке и на ходу. Эту Библию каждый носит в кармане, она лежит на каждом столе и прилавке, ее неустанно распространяют почта и тысячи миссионеров. Словом, это единственная книга, которую Америка издала и которую она читает. Так велико ее влияние. Редактор – это проповедник, которого вы добровольно содержите. Он вам обходится в среднем по центу в день, зато не надо платить за церковную скамью. Но часто ли эти проповедники проповедуют истину? Я повторю мнение многих просвещенных иностранцев и собственное свое убеждение, когда скажу, что ни в одной стране, вероятно, не было столь гнусных тиранов, какими, за немногими светлыми исключениями, являются у нас редакторы периодической печати. Так как их существование и власть зиждутся на раболепии и на обращении к худшим человеческим инстинктам, читающие их люди уподобляются собаке, которую тянет к собственной блевотине.

«Либерейтор»³² и «Коммонуелс» были, насколько мне известно, единственными бостонскими изданиями, осудившими подлость городских властей в 1851 году. Другие журналы, почти без исключения, тоном своих статей, касавшихся Закона о беглых рабах и возвращения в рабство Симса, по меньшей мере оскорбляли здравый смысл нации. И они делали так потому, что желали снискать одобрение своих покровителей, не зная, насколько в сердце страны преобладают более верные понятия. Говорят, что некоторые из них сейчас переменялись к лучшему; но все же это флюгеры. Вот какую репутацию они приобрели.

Правда, благодарение судьбе, такие проповедники еще легче достигаемы для оружия реформатора, чем это было со священниками-отступниками. Свободным людям Новой Англии достаточно отказаться покупать их газеты, достаточно придержать свои центы, чтобы сразу убить их целую дюжину. Один уважаемый мною человек говорил мне, что покупал экземпляры «Гражданина» Митчелла³³ в поезде, а затем выбрасывал их из окна. Но не выразил ли бы он свое презрение еще сильнее, если бы вообще их не покупал?

Кто они – американцы? Жители Новой Англии? Жители Лексингтона, Конкорда и Фремिंगема? – все те, кто читает и поддерживает бостонские «Пост», «Мейл», «Джернел», «Адвертайзер», «Курьер» и «Таймс»? Это ли флаги нашего Союза? Я не принадлежу к читателям газет и, быть может, не назвал самых худших.

Могло ли рабство породить большее раболепство, чем то, которое обнаруживают некоторые из них? Можно ли больше пресмыкаться в пыли, своей слюной превращая ее в грязь? Я не знаю, существует ли еще бостонский «Геральд», но помню, что видел его на улицах, когда увозили Симса. Не правда ли, он хорошо выполнял свою задачу – преданно служил хозяину? Можно ли было лучше ползать на брюхе? Можно ли было опуститься ниже? Сделать больше, чем поместить конечности на место головы? А свою голову превратить в нижнюю конечность?

³² «Либерейтор» – аболиционистский журнал, основанный в Бостоне в 1831 г. Вильямом Ллойдом Гаррисоном. Выходил по 1865 г.

³³ Митчелл, Джон (1815–1875) – участник ирландского национально-освободительного движения, бежавший в США в 1853 г. 7 января 1854 г. начал издавать в Нью-Йорке газету «Гражданин», посвященную борьбе за свободу Ирландии; однако популярность газеты вскоре упала, так как Митчелл выступил против аболиционистов в поддержку системы рабства негров.

Когда я, заворотив манжеты, брал эту газету в руки, я в каждом ее столбце слышал шум сточных вод. Мне казалось, будто я держу в руках бумагу, вынутую из помойной ямы, листок из устава игорного притона, трактира и борделя, вполне созвучного Евангелию биржи.

Большинство людей на Севере, как и на Юге, Востоке и Западе, не отличается принципиальностью. Избирая депутатов в конгресс, они не посылают их туда для выполнения долга человечности; пока их братьев и сестер секут и вешают за стремление к свободе, пока — и здесь я мог бы перебрать все, что скрывается под понятием рабства, — их заботит только одно: правильно ли распорядились деревом и железом, камнем и золотом. Делай что хочешь, о Правительство, с моей женой и детьми, матерью и братом, отцом и сестрой — я беспрекословно подчинюсь твоим приказам. Я, разумеется, буду огорчен, если ты сделаешь им больно, если выдашь их надсмотрщикам, которые затравят их собаками или засекут насмерть, но я буду мирно заниматься делом, к которому я призван на этой прекрасной земле, и разве что когда-нибудь надену по ним траур и этим сумею склонить тебя к милосердию. Так поступает и так говорит Массачусетс.

А я, скорее, чем так поступить, готов поджечь любой фитиль и взорвать любой порядок; ради самой жизни моей я хочу быть на стороне света, и пускай уходит из-под ног темная земля — я позову за собой свою мать и своего брата.

Я хотел бы напомнить своим соотечественникам, что надо быть прежде всего людьми, а американцами потом, в удобное для всех время. Не может быть хорош закон, который охраняет вашу собственность или даже обеспечивает вас куском хлеба, если он не обеспечивает гуманности.

К сожалению, я сомневаюсь, найдется ли в Массачусетсе судья, готовый отказаться от должности и честно зарабатывать свой хлеб, если от него потребуют всего лишь вынесения приговора, противного божеским законам. Я вынужден признать, что они ставят себя, а вернее, поставлены от природы, на одну доску с матросом, разряжающим свой мушкет, куда ему прикажут. Они такие же орудия, и в них так же мало человеческого. Они не заслуживают большего уважения за то, что хозяин поработил их ум и совесть, а не тело.

Судьи и адвокаты как таковые и все сторонники целесообразности применяют к этому делу весьма низкое и негодное мерило. Они не спрашивают, справедлив ли Закон о беглых рабах, а только: соответствует ли он тому, что они зовут конституцией. А соответствует ли ей добродетель? Или порок? Что ей соответствует — правда или кривда? В подобных важных нравственных вопросах так же неуместно спрашивать, соответствует ли закон конституции, как спрашивать, приносит ли он прибыль. Они упорно служат не человечеству, а худшим из людей. Вопрос не в том, заключили ли вы или ваш дед семьдесят лет назад договор с дьяволом³⁴ и требуется ли поэтому сейчас его выполнять; вопрос состоит в том, намерены ли вы — несмотря на прошлое отступничество ваше или ваших предков — наконец-то послужить богу, согласно вечной и единственно справедливой КОНСТИТУЦИИ, которую составил для вас он, а не Джефферсон или Адамс.

Словом, если большинство проголосует за то, чтобы богом был дьявол, меньшинство станет жить и вести себя соответственно, надеясь, что когда-нибудь, перевесом в один голос, председательский, бог будет восстановлен в правах. Таков высший принцип, какой я могу придумать для объяснения поступков моих ближних. Они ведут себя так, словно верят, что можно катиться под гору — немного или сколько угодно — и наверняка достичь места, откуда можно будет покатиться вверх. Это и есть целесообразность, или выбор пути, на котором всего меньше препятствий, то есть пути под гору. Но справедливые перемены недостижимы по принципу

---

³⁴ ...заключили ли вы или ваш дед семьдесят лет назад договор с дьяволом... — Торо имеет в виду принятие конституции США в 1787 г.

«целесообразности». Никому еще не удавалось катиться вверх, в гору. В области нравственной скатиться можно только к отступничеству.

Вот мы и поклоняемся Мамоне – и школа, и государство, и церковь, и Богохульники Седьмого дня³⁵, – подымая много шума из конца в конец Союза.

Неужели люди так и не поймут, что политика – это не нравственность, что она никогда не обеспечивает моральной правоты, а ищет только выгод, выбирает подходящего кандидата, а им неизменно оказывается дьявол – так чего же избирателям удивляться, когда дьявол не ведет себя как лучезарный херувим? Нужны не политиканы, а честные люди, признающие более высокий закон, чем конституция или решение большинства. Судьба страны зависит не от того, как вы голосуете на избирательных участках – здесь худший из людей не отстанет от лучшего; и не от того, какой бюллетень вы раз в году опускаете в урну, но от того, какого человека вы ежедневно выпускаете из своей комнаты на улицу.

Массачусетсу надо бы интересоваться не биллем о Небраске и не биллем о беглых рабах, а собственным рабством и раболепством. Пусть наш штат расторгнет союз с рабовладельцем. Он может мяться, и колебаться, и просить дозволения еще раз прочесть конституцию; он не сыщет порядочного закона или прецедента, который бы освящал подобный союз.

Пусть каждый житель штата расторгнет свой союз с ним, если тот медлит исполнить свой долг.

События прошедшего месяца научили меня не доверять молве. Я вижу, что она неспособна к тонким различиям и может только вопить «ура». Она не видит героического поступка, но одни лишь его видимые последствия. Она до хрипоты прославляет нетрудный подвиг Бостонского чаепития³⁶, но гораздо меньше говорит о более отважном и бескорыстном нападении на бостонский суд просто потому, что оно не удалось!

Покрыв себя позором, штат хладнокровно принялся решать вопрос о жизни и свободе людей, пытавшихся выполнить свой долг по отношению к нему. И это зовется справедливостью! Те, кто проявил себя особенно хорошо, будут, вероятно, посажены за решетку *за примерное поведение*. Те, кому истина велит сейчас признать себя виновными, – это все население штата, совершенно неповинное. Пока губернатор, мэр и бесчисленные чиновники правительства находятся на свободе, защитники свободы пребывают в тюрьме.

Невиновны только те, кто повинен в неуважении к такому суду. Каждому человеку надлежит стать на сторону справедливости, а суды пусть сами себя аттестуют. В этом деле мое сочувствие всецело на стороне обвиняемого и всецело против обвинителей и судей. Справедливость звучит гармонично, а несправедливость – резко и нестройно. Судья все еще вертит ручку шарманки, но вместо музыки мы слышим одно только скрипенье ручки. Он воображает, что это и есть музыка, и толпа продолжает бросать ему медяки.

Тот Массачусетс, который все это совершает, чьи адвокаты и даже судьи будут, вероятно, вынуждены прибегнуть к каким-нибудь жалким уверткам, чтобы не так явно надругаться над собственным инстинктивным чувством справедливости, – неужели вы не видите, до чего он низок и раболепен? Неужели верите, будто он защищает свободу?

Покажите мне свободный штат и истинно праведный суд, и я стану за них бороться, если понадобится; но если передо мной Массачусетс, я отказываюсь ему повиноваться и уважать его суды.

При хорошем правительстве ценность человеческой жизни повышается, при плохом – падает. Мы можем себе позволить некоторое падение железнодорожных и других акций, ибо

---

³⁵ *Богохульники Седьмого дня* – имеются в виду адвентисты, сектанты, верующие во «второе пришествие» Христа. Секта «адвентистов седьмого дня», празднующая субботу вместо воскресенья, возникла в США в 40-х гг. XIX в.

³⁶ *Бостонское чаепитие* – эпизод из истории борьбы за независимость США. После принятия Англией в 1773 г. чайного закона, облагавшего особым налогом ввозимый в Америку чай, 16 декабря 1773 г. группа колонистов-патриотов выбросила за борт груз чая, прибывший в Бостон.

это лишь заставит нас жить скромнее и экономнее, но как быть, если обесценивается самая жизнь? Можно ли предъявить меньший спрос на человека и природу, можно ли жить экономнее по части добродетели и всех благородных качеств, чем живем мы? Весь прошедший месяц у меня было чувство, которое, вероятно, испытывает каждый житель Массачусетса, способный быть патриотом, – смутное чувство огромной утраты. Вначале я не мог понять, что за беда со мной случилась. Но потом понял, что потерял свою страну. Я никогда не уважал правительство, возле которого жил, но я имел глупость думать, что все же сумею здесь прожить, занимаясь своими делами и не вспоминая о нем. Но должен сказать, что прежние любимые занятия в огромной степени потеряли для меня свою привлекательность, а мой вклад в здешнюю жизнь сократился на много процентов с той поры, как Массачусетс сознательно отправил обратно в рабство невинного человека, Энтони Бернса. Прежде я, кажется, питал иллюзию, будто моя жизнь протекает где-то между небом и адом, а сейчас я не могу отделаться от мысли, что живу в самом аду. Территория политической организации, именуемой Массачусетс, представляется мне в нравственном отношении заваленной вулканическим шлаком и пеплом, которые Мильтон описал в своей картине ада. Если существует ад более безнравственный, чем наши правители и мы, их подданные, интересно, где он находится? Когда обесценена жизнь, теряет цену также и все, что с нею связано. Представьте себе, что у вас есть небольшая библиотека, стены украшены картинами, за окном сад, и вы намерены предаться научным или литературным занятиям, но внезапно обнаруживается, что ваш дом со всем, что в нем находится, разместился в аду, а у мирового судьи раздвоенное копыто и хвост с развилкой – разве ваше имущество не утратит для вас ценности?

Я чувствую, что штат в некотором роде мешает мне заниматься моим законным делом. Он не только помешал мне проходить по Судебной улице, идя по моим делам, Но создал мне и каждому препятствия на пути вперед и вверх, на котором мы надеялись оставить Судебную улицу далеко позади. Какое он имел право напоминать мне о Судебной улице? Трухлявым оказалось то, что даже я считал прочным.

Я удивляюсь, глядя, как люди идут по своим делам, словно ничего не случилось. Я говорю себе: несчастные! Они ни о чем не слыхали. Я удивляюсь, видя, как встретившийся мне всадник старается догнать убежавших коров, которых он только что купил, – ведь собственность никак не охраняется, и если они не убегут снова, то могут быть у него отняты, когда он их догонит. Глупец! Неужели он не знает, что его посевное зерно упало нынче в цене, что чем ближе к владениям ада, тем хуже все добрые урожаи? При таких обстоятельствах ни один предусмотрительный человек не станет строить склад или заниматься каким-либо мирным трудом, требующим много времени. Нынешние времена не располагают к отдыху. Мы израсходовали весь наследственный запас свободы. Если мы хотим спасти себя, нам надо бороться.

Я иду на берега одного из наших озер, но что значит красота природы, когда люди совершают низости? Мы идем на озеро, чтобы увидеть отражение нашей безмятежности; когда на душе у нас нет покоя, мы туда не идем. Кто может быть безмятежен в стране, где и правительство и управляемые беспринципны? Мои мысли враждебны штату и невольно замышляют против него.

Но недавно мне удалось сорвать белую водяную лилию, и время, которого я ждал, наступило. Эта лилия – символ чистоты. Она расцветает такой прекрасной и чистой, такой благоуханной, словно показывая нам, сколько чистоты и прелести содержится в земной грязи и может быть оттуда извлечено. Мне кажется, что я сорвал первую, какая распустилась на целую милю вокруг. Как ее аромат подтверждает наши надежды! Благодаря ей я не так скоро отчаюсь в мире, несмотря на подлость и беспринципность северян. Она говорит нам о том, какие законы царили всего дольше и преобладают доныне, и о том, что может настать время, когда и человеческие дела будут столь же благоуханны. Вот какой аромат испускает этот цветок. Если Природа еще способна каждый год создавать такое, я верю, что она еще молода и могуча, что

она сохранила свою нетронутость и творящую силу, что есть доброе и в человеке, раз он способен чувствовать ее и восхищаться ею. Это напоминает мне, что природа непричастна к миссурийскому компромиссу. В аромате водяной лилии я не чувствую никакого компромисса. Это не *Nymphoea Douglassii*³⁷. В ней все чистое, прекрасное и невинное отделено от гнусного. Я не ощущаю в ней беспринципной нерешительности массачусетского губернатора или бостонского мэра. Поступайте так, чтобы запах ваших деяний улучшал общую атмосферу, чтобы вид и запах цветка не напоминал вам о несоответствии ваших дел его красоте; ибо всякий запах – это лишь вид извещения о тех или иных нравственных качествах; и если бы не было благородных поступков, то и лилия не пахла бы так чудесно. Липкий ил символизирует человеческие пороки, грязь и разложение среди людей, а растущий из него душистый цветок – чистоту и мужество, которые бессмертны.

Рабство и раболепие не дают благоуханных цветов на радость людям, ибо в них нет подлинной жизни; это всего лишь гниение и смерть, оскорбляющие всякое здоровое обоняние. Мы не жалуемся, зачем они *существуют*, но зачем их не *хоронят*. Пускай живые похоронят их; ведь даже и они годятся на удобрение.

---

³⁷ Кувшинка Дугласа (*лат.*) *Дуглас, Стивен Арнольд* (1813–1861) – американский государственный деятель, сенатор, внесший на рассмотрение конгресса в январе 1854 г. законопроект «Канзас-Небраска». В свободных штатах имя Дугласа вызывало презрение, что и имеет в виду Торо.

Ктаадн

31 августа 1846 года я уехал поездом, а затем пароходом из Конкорда в штате Массачусетс в Бангор³⁸ и в леса штата Мэн; часть пути я предполагал проехать в обществе моего родственника, который занимался торговлей лесом в Бангоре и ехал по своим делам до Плотины на Западном Рукаве реки Пенобскот. Плотина находится примерно в ста милях от Бангора, в тридцати – от хоултонской дороги и в пяти – от последней жилой бревенчатой хижины. Оттуда я намеревался, одолев тридцать миль, подняться на Ктаадн, вторую по высоте вершину Новой Англии, а также посетить некоторые озера вдоль реки Пенобскот – один или с теми спутниками, какие могут там встретиться. В это время года лагеря лесорубов в такой глуши редки, ибо заготовка бревен уже окончена, и я был рад встретить рабочую артель, которая чинила все, что было разрушено большим весенним паводком. До горы легче и быстрее добраться – верхом или пешком – с северо-востока, по арустукской дороге и вдоль реки Уассатакуойк; но тогда вы гораздо меньше увидите лесов и вовсе не увидите великолепной реки и озер, не испытаете жизнь речника на его плоскодонном bateau.³⁹

---

³⁸ *Бангор*, в штате Мэн, откуда Торо начинает свое путешествие, главный город графства Пенобскот в 60 милях от атлантического побережья. Ко времени путешествия Торо Бангор – крупный центр лесодобывающей и лесобрабатывающей промышленности.

³⁹ Судне (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.